

Алморраг

В. Г. Л.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

21

**Вологда
2002**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
Ю. Максин, В. Корбаков и др.	3
В МИРЕ РУБЦОВА	10
Н. Переслегина, Москва	10
М. Бугримова	12
О. Агафонова	13
Н. Агафонова	14
В. Белков, А. Тарханов	15
ИЗБРАННОЕ	17
Александр Пошехонов	17
Николай Бушенев	18
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	21
Алексей Новиков	21
Валерий Анохин	21
Татьяна Лавтакова	26
Книжная полка	27
КОРОТКАЯ ПРОЗА	29
Д. Ермаков	28
А. Козловский, Сургут	30
Василий Елесин	31
ПАМЯТЬ	34
Письмо В. Маркелова	34
ГРАФИКА	36
Василий Леоненко	36
Владимир Чекарьков	38

На 12 странице портрет Рубцова работы художника Юрия Майорова, г. Сокол

Стихи последних лет

Юрий МАКСИН

Чужие плоды просвещения
накликали в доме грозу.
Безжалостный дым обновленья
из глаз вышибает слезу.

И даль неясна и дрожаща,
мутится родимая гладь.
Не в прошлом
и не в настоящем
приходится Русь обретать.

Нас долгая память пространства
вернёт на утеранный путь
и сброшенный крест постоянства
поможет нам храмы вернуть.

Юрий СМЕРНОВ

ДЕЛО СВЯТО

Внук комиссара
Церковь ладит,
И гулко ухает топор.
А по лесной,
Дремотной глади
Плывет
Негромкий разговор.
И молвят
Жители округи,
Что дело свято,
И не зря —
Воздвигнуть
Церковь

Взялись
Внуки
Стыдятся за тех,
Кто разорял.

Сокол-Тверь

Владимир КОРБАКОВ

Народный художник России

Намоталось на стрелки часов,
Вот уж семьдесят девять годов.
Не гони, циферблат, пожалей!
Ну, а стрелки бегут все быстрее.

Паутину годков на часах
Все хочу разорвать в пух и прах.
Отделить плевелы от добра.
Темноту отделить от утра.

Все наглее вхожу я в азарт.
Повернуть бы мне стрелки назад.
И прожить эти годы не так,
Быть красивой, чем розовый мак.

Чтоб кудряшки свисали на лоб,
Чтоб плясал и ходил я в галоп.
Чтобы девы-пастушки в лугах
Мне в любви объяснялись в стихах!

Вот я снова смотрю на часы,
Годы льются, как в нитке бусы.
Не спеши, циферблат, пожалей...
Ну, а стрелки бегут все быстрее!

1 ноября 2001 года

Когда гроза, когда не спится.
Когда в природе холод, жар.
Не думайте, что Бог сердится,
Иль посылает нам пожар.

Бог не кричит, Бог тихо дышит.
Он тихо с нами говорит.
И счастлив тот, кто Бога слышит
И чувствует, как Он творит!

10 января 2002 года

Андрей КЛИМОВ

ПРОКОПИЙ У СУХОНЫ

Ветрище тучи вдаль торопит, —
их путь высок...
На берегу стоит Прокопий,
Он одинок.

Там, за спиной, за рвом осталась
и брань, и смех.
Но он простил слепую старость
За этот грех.

Но он простил слепую младость
За дерзкий тон...
И льётся, льётся в сердце радость
Со всех сторон.

Здесь хорошо, здесь чайки выются,
Куда б ни шёл...
Но надо, надо же вернуться
За частокол.

И обличать блудниц и жадных...
Да, обличать:

Чтоб всё на свете было ладно —
Нельзя молчать!

г. Красавино

Андрей МАВРОМАДИС

Застывших рек холодное молчанье,
Зимы заснеженная даль,
И бьется сердце без сознания,
Не впрок мечты, воспоминанья,
Лишь тлеют радость и печаль.
И сон не ищет пробуждения,
Усилия раненные спят,
Не разгоняет утомленье
Весны грядущей наступленье,
И крылья сами не летят.
Потерян дух ночей бессонных,
К чему бы он,
Здоровый сон.
Я против песен похоронных,
Я за творенья вдохновенных,
Все знает Бог,
Поможет Он.

г. Сокол

К. МАТКЕЕВ

ГАРМОНИСТ

Нынче мало у нас гармонистов,
А хороших совсем не видеть.
Так откуда же звонко и чисто
Заиграла гармошка опять?

Этот наигрыш — как вдохновение,
Поднимался и вновь прилетал.
Так, наверное, в нашей деревне
Дядя Ваня когда-то играл.

Он в игру будто вкладывал душу,
И в душе загорался огонь —
Все в деревне сбегались послушать,
Если брал дядя Ваня гармонь.

Жизнь свела с деревенского круга,
И мечта далеко позвала,
И давно заполярная выюга
Сединою виски обожгла.

Значит, все-таки в гости приехал
Нашим воздухом всласть подышать,
Постаревшим друзьям на утеху
На гармошке как прежде сыграть.

И лились под гармошку частушки,
Раздавался лихой перестук,
И играл деревенским старушкам
Дядя Ваня, их юности друг.

Август 2002 г.

Василий МИШЕНЕВ

* * *

Годы — горы.
Годы — реки.
Наша память —
Посошок.
Отдохнув,
Смежая веки,
Подрастаю
На вершок.

Отдышусь —
Опять в дорогу,
Но куда,
Не знаю сам.
То ли к отчету
Порогу,
То ли выше,
К небесам.

* * *

Зажигает ночь огни.
Рядом рыщут волки.
Звуки родины!.. Они
Никогда не смолкнут.

Тот проехал на коне,
Тот пешком протопал,
И звенит чуть в тишине
На морозе тополь.

Тихо звякнула узда,
Лошади заржали,
И глядит на все звезда
Из далекой дали.

На дома, на санный путь,
И тревожит душу..
Неужели кто-нибудь
Этот мир разрушит?..

Татьяна ЛАВТАКОВА

* * *

Слова любви на губах — инеем,
Не согревают, не веселят.
Какое небо здесь синее,
И как прохожего хмур взгляд.

И не кострится, не разгорается,
Не ты — и весь разговор.
А сердце верить еще пытается
И затевает с душой спор.

Но молчаливы в зиме голуби,
Опасен блеск — под ногой лед.
А я в безлюбье большой проруби,
И впереди непростой год.

И не кострится — слова инеем
А встречи редки — не веселят.
Какое небо здесь синее,
И как прохожего хмур взгляд!

Александр ДУБИНИН

КОРНИ

Глагол. Наречия напруг.
Всех существительных замена.
Переворот. Пиджак набряк.
Кровь кончилась. Осталась пена.

Твой мир утопия. А ты?!
Ты возмечтал. Ты переделал.
Ты перекрасил все цветы.
Своя рубашка ближе к телу.

К персоне. К корню всех личин.
Ты про себя не забываешь.
Почин, хоть подл, но излечим.
С условием, что ты страдаешь.

Берешь, а все не по себе
Под этим небом синим.
Как мало надо голытьбе,
Как много надо сильным!

И корни роют из глубин,
Ручьи сосут и кормят...
Цветы не ведают причин.
Их красота — их норма.

Однажды в мире обнаружив,
Заставу белых облаков
Ты, наклоняясь, пьешь из лужи,
Не видя рядом родников.

Ты лучше б умер спозаранку,
В рассвета злополучный час.
Пастух настроил барабанку
И золотистый ожил Спас.

Задвигалось людское стадо,
Мычит корова на дворе.
И ничего уже не надо...
Душа вернулась от дверей.

Корь напоследок или свинка?
Такого куры заклюют!
Танцует каждая былинка
И ангелы не отстают.

Михаил ГРИГОРЬЕВ

Август. Лето на исходе.
Разрумянились рябины.
Все приходит и уходит,
Только жаль того, что минет.

Отпылали буйно травы,
У берез — золотые пряди.
Грусть изысканной отравой
Душу ест неделю кряду.

Холодней на зорьке росы,
Звезды позже спать ложатся.
По лесам крадется осень
К сердцу нашему прижаться.

Николай ФОМИНСКИЙ

РОДИМЫЙ КРАЙ

Лес загадочный, дремучий
В обрамлении рек.
Над обрывом бор могучий,
А за ним — ночлег.
Там, красуясь на поляне,
Встали ели в круг.
Аромат цветов медвяный
Источает луг.

Брызжет золотом заката
В заводи волна,
И ночные перекаты
Серебрят луна.
Россыпь звезд на небосводе
Смотрит свысока,
Величаво катит воды
Сухона-река.

Где бы мы ни побывали:
В море иль в горах,
Никогда не забывали
О родных борах.
Пусть у нас природа строже,
Далеко не рай.
Все равно всегда дороже
Нам родимый край.

Ирина ГОРШКОВА

И ВСЁ ЭТО...

Глоток преступный жёлтого нектара
Из хрустала небесной синевы,
Затихший взор, дрожащая гитара
И лёгкий хмель упрямой головы,
Сонливый час, счастливые ресницы,
Кривое отражение в воде,

Плетёные искусно небылицы
О падавшей магической звезде,
Усталый вздох, полувлюблённый
шепот,
Растаявшая тайна на губах
И золотом вскудрявившийся солод,
Запутавшийся в мягких волосах,
Шёлк трав душистых, жёлто-изу
мрудных,
Обманчивый оранжевый туман,
Взгляд сквозь века, земной,
змеино-мудрый, —
И это всё бездонная луна.

Альфред ХОХРЯКОВ

ЭХО

Я через лето ехал
Тропинкою лесной.
Приветливое эхо
Вдогонку мне: Постой!

Я через осень ехал
Под красною листвою.
И снова это эхо
Зовет меня: Постой!

Зимой морозной ехал
Опять тропинкой той.
Упрашивает эхо:
Хотя б на миг постой!

Весною ясной ехал
Без цели, без забот.
Вот в этом месте эхо
Меня обычно ждёт...

Не слышно что-то эхо.
Кричу в кольцо из рук:
К тебе я сам приехал —
Откликнись! Где ты, друг!

г. Череповец

НИКТО НЕ ЗАСТРАХОВАН

И нет на все вопросы
Готовеньких ответов,
Не жду, что кто-то жить научит.
И может, осень жизни
Гораздо хуже лета,
А может быть, гораздо лучше...

2. Череповец

* * *

Ольга МЕЛЬНИКОВА

ЖИЗНЬ

8

Но жизнь, опять бурля весны потоком,
Наполнила водой сухие берега...
И мозг пронзило откровенья током:
Я вновь живу. И жизнь мне
как и прежде дорога!

апрель 1998 г.

Татьяна РЖАННИКОВА

ХРАМ

Миром строили Храм.
Стадом падали ниц.
Горе тут, горе там,
Да тоска без границ.
Да отчаянный стон
Непокорной души...
Вечен рабский поклон
И борьба за гроши.
Мы еще сотни раз
Будем лбы разбивать,
Это — Божий указ:
Во спасенье страдать.

г. Череповец

Сергей ШИХОВ

Мы словно запертые в клетки,
Не видим мы своих друзей.
Кругом лишь черные отметки
И лица проданных людей.
Мы продаемся ради власти,
Мы все стремимся только к ней.
Людей мы делим на две части —
Хороших и плохих идей.

Ложь правит всем, и деньги —
счастье.
Не скрыться нам от страшных тем.
И плачет на стене распятие,
Но голос чести снова нем...

г. Вологда

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

записал Н. Усанов

Гнев бога не дремлет,
Его никто не отвратит:
Совьётся небо, точно свиток
И беспредельность обнажит.
Вострубит в огненные трубы
Четыре огненных гонца
И явит смерть, оскалив зубы,
Черты безгласного лица.
В протяжный рёв бездонной груди
Сольются плач и голоса,
Бегут в великом страхе люди
В долины, горы и леса.
И всякий злак источит яды
И будут тяжестью дышать,
А из нор вылезут все гады
И будут жалить и кусать.
И будет жажда выше меры
И превратится в кровь вода
И грянет вихрь огня и серы
И запыхают города.
Вскипят моря и рухнут горы,
Покинут гробы мертвецы
И грянут ангельские хоры
Хвалу Христу во все концы.
Грядет со славой, несравненный,
Неудержим, неукротим,
А зверь багровый, семиглавый
Последний раз сразится с ним.

В мире Рубцова

Наира ПЕРЕСЛЕГИНА

О ЧЁМ ПОЮТ?

Мне не дает покоя проблема искажения текстов Рубцова в песнях. Я внимательно просмотрела и прослушала романсы на слова Пушкина, Лермонтова, Есенина и др. и нигде не нашла изменений в стихах. Есть укорочение, но подстановки других слов — никогда. А песни на слова Николая Рубцова, особенно у бардов с более низким уровнем исполнения, пестрят отсебятиной в текстах. Вот несколько примеров.

В сюитах Градского «Звезда полей», Бородина «Простые песни», в хорах Салманова есть перестановки куплетов, разбивка стихов на части, но это допустимо... Но слов в текстах эти композиторы не меняют никогда.

Некоторые композиторы подгоняют текст поэта к своей мелодии, при этом добавляя свои слова, изменяя авторские. «Отплытие» (музыка и исполн. А. Дулова, Москва):

*Размытый путь и вдоль кривые тополя.
Я слушал неба звук — была пора отлета.
И вот я встал и тихо вышел за ворота...*
и т.д.

На мгlistый берег глупой юности моей.

Если Дулов решается сказать за Рубцова, что юность была глупой, то ему следовало бы оговориться, что он пишет песню по мотивам стихотворения Рубцова.

«Весна на море» (А. Васин. Москва):

*Все вьюги в скалах отзвучали
И воздух светом затопив,
Нам солнце брызнуло лучами...
В какой-то просятся мотив...*

Не в какой-то, а в стройный мотив — это же принципиальная разница!

У того же Васина исковеркано стихотворение «Вечерние стихи».

А вот «перл» С. Федотовского (комп. В. Чернышев. А. Иконников, видимо, вологодские) в стихотворении «В жарком тумане дня». Федотовский поет: «Скучные сказки» (у Рубцова «скучные мысли»), «похороны меня» (надо «и посети меня»), «рыцарей» (надо «жителей дальних мест»). Тут уж вообще всякий смысл нарушен. Ю. Смирнов из Петербурга поет:

*Как всегда перед школою
празднично выметен сор...
Скоро опять уезжать...*

А надо:

Старый забор перед школою,

тщательно выметен сор...

Время придет уезжать...

«По мокрым скверам...» В. Сергеев (Вологда) поет: «Смолистых сосен» (надо «дремучих сосен»), «во мраке ночи» («в потемках ночи»), «душа, тоскуя» («и мысль, летая») и т. д.

«Деревенские ночи». В. Шабанов поет: «дальних звезд мерцание» а надо в данном случае — «ранних звезд мерцание». Затем наоборот. Зачем надо было все переставлять?

«На реке Сухоне». Максим Козлов поет: «Но на том берегу», а надо — «но на той стороне».

Немало напутал Е. Матвеев. Он поет «утонувший счастливо», а надо «задремавший счастливо». Можно ли счастливо тонуть? Он поет «под липами багряными», а надо «под ивами багряными». Липы не бывают багряными и они не очень характерны для вологодских земель. Какой смысл этой замены? Я теряюсь в догадках. Может быть, люди просто ошибаются? Но тогда во время записи надо смотреть в текст, если ты не можешь запомнить его.

Очень обидно слышать такие же ошибки в песнях В. Громова, мной очень любимого барда. Например, лошадь у него не идет, а бредет, то с водопою (как у Рубцова), то, вдруг, к водопою. У Громова «знобящий», у Рубцова «дремотный». У Громова «свой чарующий напев», у Рубцова «свой тоскующий напев» и т. д.

У А. Морозова практически нет ни изменений, ни оговорок. Но в прекрасном исполнении его песни «До конца» певицей Стрельченко все же допущена ошибка.

А певица Т. Петрова решила, как ей показалось, восстановить первоначальный текст «О Московском кремле» — вместо «Не на твои забытые иконы» она поет «Как на твои забытые иконы».

Нередко певцы изучают первоначальные варианты стихов и кладут их в основу своих песен. Например, прекрасный московский певец В. Тверской, который влюбился в стихи Рубцова. Правда, он потом понял свою ошибку и сказал об этом на концерте.

Действительно, Рубцов не поэт-песенник, а поэт-классик и к его стихам надо относиться очень уважительно. Как это делают Салманов, Головин, Морозов. Мало искажений у Петровой, Иванова, Широкова, Козлова, Шилова, Громова, Берестовой, Беляева и других. И нужно, наконец, остановить тех, кто безнаказанно вторгается в тексты великого поэта.

г. Москва. 2002 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О РУБЦОВЕ

Николай Рубцов в юности, когда я училась в Тотемском педучилище, дружил одно время с моей подругой Таней Агафоновой (Решетовой). Он мне помнится шустрым и в то же время задумчивым пареньком. особенно когда появлялся там, где была чья-то мать. Это как бы его сковывало. Видимо, чувствовался недостаток материнской любви в детстве. Несколько раз с Таней заходил он в наш дом на улице Горького, 4, который находился напротив общежития педучилища, где жила Таня. Однажды пришли они с гармошкой к нам на крыльцо, и Николай заиграл, напевая юморную песенку «Старушка, не-спеша, дорожку перешла. Ее остановил милиционер...» А потом мы зашли к нам есть окрошку с горячей картошкой. Квас из хлеба всегда делала моя мама. Заходили на окрошку и мои однокурсницы Шура Бойко, Галя Селивановская, Шура Борзенина — сестра Вали Борзенина, друга Рубцова. Валя был приятелем и моему брату Кузьме, тоже студенту лесного техникума.

Незабываемы вчера и танцы в лесотехникуме! Учились там и девочки, которые очень не хотели пускать нас к ним, как соперниц. Дежурства были на вечерах строгие, пропускали нас через знакомых парней, братьев, а то и не пройдешь. Без туфель на танцы не пускали. Интересные пьесы ставили ученики под руководством преподавателя Анны Феодосьевны. Часто играл духовой оркестр из числа студентов. В перерыве играла гармошка, нередко гармонистом был и Коля Рубцов. Во время танцев он всегда мило улыбался, любил подшутить, подтрунить. Брюки в то время носили расклешенные (сами вставляли «клинья»). Особенно модны были танцы с «отхлопом» — отнимали партнершу друг у друга. С танцев возвращались с песнями, настроение всегда было хорошее. Обувь обычно несли кавалеры. Однажды шли мы четверо — Таня с Колей, я с Павлом Бортом. И он мою туфельку потерял. Рубцов предложил дать объявление по радио, и назавтра ее принесли.

Чудная, незабываемая пора юности, радостная, хотя бывали и огорчения. Ссорились тогда по пустякам, ревновали друг к другу, но не завистничали никогда.

Татьяну я нашла лишь много лет спустя. Она тоже помнит свою юность и первую любовь. Недаром же есть пословица — «Старый друг — лучше новых двух».

Мария Дружининская (Бугримова)
г. Вологда, 2002 г.

ВСТРЕЧИ

В июле 1954 года после окончания ремесленного училища в Вологде я получила распределение на завод «Северный коммунар» и жильё в общежитии на Разина, 17. Это был 2-х этажный деревянный дом, типа барака. Комната на 2-м этаже в самом конце коридора. Работала токарем. Моя сестра Таня тоже в этот год кончала учебу в Тотемском педучилище и получила распределение в Азербайджан. В августе, числа не помню, она заходила ко мне в общежитие, я как раз пришла с ночной смены. Поговорив, она ушла в город, а я легла спать. Разбудила меня дежурная, сказав, что меня вызывает мальчишка. Вышла я к нему на лестничную площадку, вижу, таких я не знаю, и он спросил про Таню Агафонову. Я сказала, что она приехала, но ушла в город. Я была такая сонная, что не могла запомнить, что он из себя представляет. Через несколько часов он пришел снова. Татьяна уже уехала на вокзал.

Спустя несколько лет (это после 58 года, т. к. у Татьяны уже был ребенок, она была замужем), я была летом в отпуске в деревне Космово Междуреченского р-на, и вечером, когда мы с молодежью играли в лапту, посреди улицы напротив нашего дома остановилась грузовая машина, из нее вышел молодой парень и, подойдя к нам, спросил, есть ли кто из Агафоновых. Мне пришлось тут с ним познакомиться. Оставив своих друзей, я пошла с ним в дом. Мама, конечно, его узнала, стала быстро хлопотать с самоваром, всё время с ним разговаривая. Утром я ушла на ферму, заменяя маму, а придя домой днем, его уже не застала. Мама ему отсоветовала встречаться с Татьяной, так как беспокоилась о мире в ее семье.

После 61 года я уже училась заочно в Москве и летом, в июле, была в отпуске в деревне. К нам снова приехал Николай, звали мы его Колька. Он приехал вечером, и, наверно, с Тотьмы, т. к. на Вологду с Тотьмы был пароход в 17 часов. Колька рассказывал о своих путешествиях по России, говорил, что пишет стихи и учится в литературном институте. Сказал, что из Ленинграда перевелся в Москву. Из его разговоров я поняла, что он холост и учеба его идет со скрипом. По внешнему виду можно было сказать, что он жил бедно, но он это и не скрывал, рассказывая, что деньги его не любят, но друзей много хороших. Утром был мой день рождения (29 июля), мама пекла пироги, а он крутился около нее. После завтрака мама послала нас в магазин в Паньково, это была соседняя деревня. Был солнечный день, магазин оказался закрыт, продавец на сенокосе... Мы прошли всю деревню, вышли к реке и пошли тропой на луг. Ох, как он восхищался такой красотой, да и я согласилась, а ромашек было целое поле, он обхватит их, не срывая, и кричит — смотри, какая красота! А мне смешно, я тут выросла и не интересовало меня это. Нашли продавца, уговорили ее открыть магазин, сказали, что присхал двоюродный брат — Рубцова я выдала за Агафонову. Купив вина портвейна, помню большую бутылку (бомбу) и конфет, мы отправились домой праздновать день рождения. Он захотел подарить мне книжку стихов, открыл свой чемоданчик, там была одна книжка, или серая или зеленая, в твердой обложке. Я подержала в руках, прочитала, что издавалась она в

Ленинграде и очень маленький тираж — несколько штук. Раскрыв книжку, стала читать, как раз про суку. Удивилась и отказалась. Да и жалко стало, ведь книга последняя, а я не увлекалась стихами, они мне были ни к чему.

Уезжая, он просил, чтоб я ему стала писать, но я отказалась, зачем мне это, и дала адрес младшей сестры. Они вроде бы переписывались. Это была наша последняя встреча в деревне.

После 1965 года случайно встречались несколько раз в Вологде. Один раз встретились на пристани в ресторане, он был с бородатым другом. Я его поругала за пьянку, за то, что он совсем опустился. Потом встретились у нас на Набережной 6 Армии, он жил в доме нашего завода. Тоже поругались. Он через день устроил концерт, через окно пьяный стал выбрасывать деньги. У меня на работе знали, что через сестру я хорошо знакома с Колькой Рубцовым, и позвонили, чтоб я пришла. Когда я пришла, деньги уже собрали, их на земле не было, а к пьяной компании я не пошла.

Потом он съехал из нашего района. Как-то пригласила меня подруга в библиотеку на встречу с Рубцовым, но я не смогла сходить. Она была и сказала, что все было хорошо.

Последнее известие мне принесла подруга Надя Потехина, сказав: Ольга, Кольку Рубцова вчера привезли в морг (у нее муж был хирург городской больницы), он задушен сожигательницей. Я плакала, как по своему брату, но сказала, что он долго шёл к этому и все же дошёл.

Вот и все, что я помню о живом, о небольшом, веселом, суетливом мальчике. Я его помню живым и несчастливым.

Ольга Агафонова (Поздеева)

ЧТО ПОМНЮ

Рубцов приезжал в д. Космово летом 1954 года. Наверно, в августе, потому что была малина. Почему-то он приехал только на один день — видимо, ему надо было ехать куда-то дальше пароходом. Мы пошли с ним на реку около деревни. Я купалась, а он на воду пускал «блинчики» — искал плоские камушки и пускал, кидал по поверхности речки и они прыгали. Помню, у меня не получались.

Потом цветы рвали. Он нарвал букетик, вроде хотел тебя дожидаться и подарить. И еще помню, что я, по глупости конечно, просила написать стихи, а он сказал, что сразу не получится, для этого надо вдохновенье. Но пообещал, что обязательно напишет. Больше я ничего не помню. Не помню, как он ушел. Мне, наверное, тогда было лет 12–13... Да, в доме у мамы мы пили чай...

*Из письма Нины Агафоновой (Сорокиной) сестре Татьяне,
декабрь 2000 г.*

РУБЦОВ ДАРИТ «ЗВЕЗДУ ПОЛЕЙ»

В трехтомнике Рубцова (Москва, 2000 г.) приведены 12 дарственных надписей поэта на книге «Звезда полей». Они адресованы Яшину, Куняеву, Вампилову, Сидоренко и другим. Сегодня я могу добавить к ним еще по крайней мере 9 надписей — автографы Б. Чулкову, Н. Груздевой, В. Елесину, В. Малкову, В. Нестерову и т. д.

Но остается еще несколько имен известных писателей, которым Рубцов почему-то не подарил «Звезду полей» (это загадка), или мы пока не располагаем точными данными.

Итак, поэт подписывает свою знаменитую книгу. На экземпляре, подаренном замечательному драматургу Александру Вампилову, он пишет: «По-настоящему дорогому человеку на земле без слов о твоём творчестве, которое будет судить классическая критика. 7 июня 1967 года». Видимо, Рубцов был не высокого мнения о современной ему критике, если уповал на будущее или на некую «классическую» критику.

Одним из первых получил книгу, сразу после ее выхода, А. Чететин: «Толе, Анатолию Чететину с вечной любовью. 6 мая 1967 г. Н. Рубцов». А с книгой, которую Рубцов подписал своему старшему товарищу Александру Яшину, вышла целая история. Николай Рубцов любил проверять людей на «прочность», на психологическую выдержку. Во время поездки по Волго-Балту он решил проверить Яшина — всем дарил «Звезду полей», а ему не дарил, тянул. Наконец, Яшин не выдержал, сам купил книжку. Рубцов улыбнулся и написал на ней: «Александру Яковлевичу Яшину с вечной любовью и благодарностью». Чуть позже Яшин шепнул Рубцову: «А ведь ты, Коля, меня сильнее!» Рубцов ничего не ответил...

Вологжанину, учителю литературы Н. Силкину поэт написал: «Николаю Силкину на память о первой встрече.» Позднее Н. Силкин написал краткие воспоминания о Рубцове.

Интересную надпись сделал Николай Рубцов на книге, подаренной журналисту Владимиру Степанову: «Володе, Владимиру Степанову с уважением к его одаренности. На добрую память от «грустного осеннего листка». 2.09.68. Н. Рубцов».

Летом 1967 года поэт бывал в гостях у вологодской поэтессы Н. В. Груздевой, и подписал ей «Звезду полей»: «Любимой моей и нашей Нине, талантливой, чудесной». Наверное, такая надпись поддерживает Нину Груздеву в трудные минуты жизни.

В середине августа 69-го года Рубцов вместе с другими вологодскими писателями побывал в Никольске. Они ездили по району, встречались с людьми, участвовали в открытии комнаты-музея А. Яшина. В Доме культуры состоялся литературный вечер. Тогда же поэт подарил свою книгу М. Субботину: «С чувством светлой радости и благодарности всегда буду вспоминать Вас, Ваших земляков и Ваши сказочно отрядные Никольские места... Н. Рубцов. P.S. Лучшая партия в мире — коммунистическая партия. Прожить век настоящим коммунистом (понятие сложное) значит

прожить прекрасную жизнь. Храни Вас бог!» Здесь любопытно соседство Бога и компартии.

А своему приятелю Юзу Алешковскому Рубцов подписал книжку стихами — «Коньяком нам платят за строку...» и т. д. Сейчас это стихотворение входит в сборники, а написано оно было, видимо, экспромтом.

«Звезда полей» прославила Рубцова. Он охотно дарил эту книгу своим друзьями знакомым, подписывал читателям.

Вячеслав БЕЛКОВ

Андрей ТАРХАНОВ

БОЖИЙ ПУТНИК

- Куда ты, Рубцов Николай,
Уж солнышко клонится долу?
- Махнул я столице — прощай!
Мне надо в родную Николу.
- Неужто осилишь пешком
Просторы забытой дорогой?
- Где поездом, полем, леском, —
Глядишь, я в избушке убогой.
- Крылечко взяла лебеда.
И туча за речкою плачет.
- А это по-прежнему значит —
Ко мне приплетется беда.
Метался в избе огонек.
Решил, видно, выйти на волю?
- Ходил на развилку дорог,
Люблю одиночество в поле.
- На зорьке — осенняя дрожь,
И кружит крикливая птица.
Куда же ты снова идешь?
- Я путником Божьим родился.

г. Ханты-Мансийск

Александр ПОШЕХОНОВ

СВЕТЛЫЕ ДУШИ

Светлые души,
Сердца золотые,
Где Вы, бесценные,
Где Вы, святые?

Тихо влачите
Юдольное бремя,
Кто — в городке,
Кто — в былинной деревне.

Жизнь, что свеча.
А в весёлых столицах
Царствуют-барствуют
Злобные лица.

Злобные лица
Пороки смакуют
И о высоком, увы,
Не толкуют.

Суть прикрывают
То взяткой, то ложью,
Духом насилия,
Культом безбожья.

Думают смрадно,
Глаголят обидно.
Небушка в этих столицах
Не видно.

Суть не обманешь
И златом не купишь,
Тут не помогут
Ни пряник, ни кукиш.

Тут верховодит
Закон Бытия:
Всё возвратится
На круги своя!

Как бы горька
Ни была моя повесть,
Всё возвратится:
И разум, и совесть,
Божии Промыслы,
Божьи Законы...

Прахом рассыплется
Нью-Вавилоны.

Я по столицам
Судьбу не пытаю,
Духом и телом
К земле прирастаю.

Как бы ни злобились
Злобные лица,
Знаю, не выдаст
Родная земля!

Зрима лампада,
Икона врачует,
Вольная воля
В подлеске ночует.

Щедры рассыпаны
Звёзд огоньки,
Мирно шаманят
Бобры у реки.

Жизнь, что свеча!
Воском плавится время.
Спит городок.
Чутко дремлет деревня.

Живы заботами
Люди простые —
Светлые души,
Сердца золотые!

МАРИНА

Марине Шаниной

Ах, Марина, ягода малина,
Ароматен слог твоих стихов,
Ах, Марина, светлая былина,
Сладкая беда для женихов!

Гнут ветра кремнёвые дубравы,
Мочи нет от бед седым дубам.
Только ты — в цветах своих и травах
Бедам и ветрам не по зубам.

В шёпоте ручья, в полёте птичьём,
В шелесте тревожном камыша
Спрятана душа твоя девичья,
Гордая, стозвонная душа.

Ты везде: и в тайне, и за тайной.
Ты и злато, ты и серебро.
Приголубит взгляд твой неслучайный
Всякого, кто чуток на добро.

Ах, Марина, ягода малина,
Ароматен слог твоих стихов,
Ах, Марина, светлая былина,
Сладкая беда для женихов!

ЮРОДИВЫЙ

Я слеп. Глаза мои полны
Воды и синего тумана,
Мои зрачки полны обмана
И недоказанной вины.

Полны обмана два зрачка,
За их тоскливою виною
Миров движение иное,
Пути иные и века.

Мне открываются миры,
Мне улыбается пространство,
Где мудро дремлет постоянство,
И тлеют вечности костры.

Как будто тайный знак во мне
Раскрылся силою небесной,
И приподнял меня над бездной,
И уберёг на глубине.

Как светел мрак! Как тѣмен свет!
Как зноем сердце обдувает!
Как упоителен ответ
Там, где ответов не бывает!

Ведёт меня мой третий зрак
От панорамы к панораме,
И я — юродивый, дурак —
Любуюсь тайными мирами!

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Так в чем же, в чем она,
 суть мастерства —
так называемого литературного
 творчества?

Вывертывать наизнанку слова,
когда они извиваются и корчатся?

Может, образов бешеный галоп
 или ритм на манер взволнованности?
 Материал не для средних голов?
 Вспых раскованности
 до рискованности?

Нет, мне кажется, суть мастерства —
это когда боль твоя в слово живое
выкуется.

Это мучительный путь естества,
крик души, без ложного пафоса,
с четкой дикцией.

* * *

На носу ноябрь.
Зима на носу.
Как-нибудь
Всё снесу.

Зиму, год, век —
Всё переживу.
Во сне, в бреду ли?
Не дай Бог наяву!..

Ответа «зачем?»
Не буду искать,
Двигаясь зигзагом —
Вперед ли, вбок ли, вспять...

Будь что будет...
Сказано не мной.
Буду жить земной
Жизнью свиной.

Какой маршрут начертан мне?
Тупик или кольцо?..

Песни бы, простора бы,
Ветра в лицо!..

1993

* * *

Летящие в тартарары,
Об этом горестно твубя,

Осваиваем мы миры.
Осваиваем ли себя?

Цари природы и цари
Народов — не своей судьбы,
Летящие в тартарары
Средь ора, воя и пальбы.

* * *

Жизнь загнала меня в тупик.
Как выйти мне из тупика?
Как тягостен час пик — час крик!
Как унижительна тоска!

Депрессии кошмарный вал
меня жестоко окатил,
и навалился, и подмял —
сопротивляться нету сил.

Где голос мне родной, где друг?
Кругом «о кей», да «о-ля-ля»...
Спасательный кто бросит круг
с пиратского мне корабля?..

1993

* * *

Зачем меня под дых,
когда и так мне больно?
Как крик твой зол и дик,
и сила в нем убойна.

И петля суеты
семейной затянулась.
Я хуже стал иль ты
в расчётах обманулась?

Мы лучше, чем мы есть,
себя воспринимаем.

И, раздувая спесь,
других не понимаем.

Нам тяжело быть вдвоём.
Мы каждый жаждем воли.
В глухом мирке своем
чужой не слышим боли.

На склоки жизнь губя,
день ото дня мы злее...
Жалею я тебя.
Себя я не жалею.

* * *

Ах, слава-забава,
приди, позабавь.
Огонь поцелусв
безумных оставь.

Ах, слава-любава,
июньский ты снег.
Придешь на мгновенье —
растает навек.

Ах, слава-шалава...
А тянет к ней всё ж.
Увы, я не мил ей.
Несмел, непригож.

МНЕНИЯ:

Америка является самой невежественной страной в мире, несмотря на огромный арсенал, которым она запугивает лишь трусов, но ведь это естественно, так как у Америки нет исторического и реалистического самосознания, в ней нет политики как таковой, так как ее президенты получают власть при помощи денег и взяток, а не благодаря своим качествам, и глупый, невежественный и психически больной Буш живой пример тому. Буш является каиновой отметиной на лбу мира. Правильнее было бы посадить его и ему подобных в психиатрическую больницу. Невероятно, чтобы тот, кто стоит во главе единственной супердержавы, вел себя подобно сумасшедшим и подросткам».

Аль-Хилали предупреждает: «Терроризм Буша приведет к всемирной катастрофе, если не вмешаются умные люди».

КОСТЁР

Вот искорка-росток...
Но деревцем огня
Взметнётся вдруг костёр,
Ночную тьму гоня.

Раздуй костёр, раздуй
Дыханием своим.
Пускай трещит: «Расту!»,
Расталкивая дым.

Пусть пламенным своим
Вещает языком:
«Я поделюсь с любым
Души своей теплом.

Пусть мне недолго жить
И суждено сгореть,
Чтоб мрачных озарить,
Замёрзших обогреть.

Не всемогущ мороз
И не всеильна мгла,
Коль хоть чуть-чуть принёс
Я света и тепла».

И отступает ночь —
Уже не так глуха...
Вот и тебе бы смочь
Разжечь костёр стиха!..

«ЛГ», сентябрь 2002 г.

Критика и библиография

ПОМИЛУЕТ ЛИ БОГ РОССИЮ?

Решение Папы Римского об объявлении России «церковной провинцией» Ватикана — одно из звеньев в общем стремлении Запада, мировой закулисы к порабощению и уничтожению России.

Помните, ещё в конце 80-х гг. прошлого столетия В. Распутин предупреждал, что скоро мы хоть и будем жить дома, в России, но чувствовать себя будем, как в гостях.

Сие и свершится ныне...

Правительство России? Да есть ли в нём несколько человек, по-настоящему озбоченных судьбой России, а не интересами собственного кармана и «дружественных» стран Запада?

Самое русское в мире радио и телевидение? — «Ни звука русского, ни русского лица...»

Русских травят водкой и наркотиками, глумятся над ними почти на всех теле- и радиоканалах, в печати. Для того же, чтобы русские люди не смели и трепыхнуться, готовится новый закон об экстремуме.

Одновременно Россия — через «ИННизацию», введение электронных паспортов и т. д. — превращается в один из уголков всемирного электронного концлагеря, этой новейшей «тюрьмы народов».

Русская Православная Церковь является хранительницей национальных духовно-нравственных традиций, основой русской культуры и государственности. И не случайно именно против неё направлен очередной удар Запада.

Сумеют ли русские люди пробудиться от алкогольно-наркотического дрёма, в котором пребывают? Осознают ли, что происходит с Россией? Придут ли к Богу, к вере предков? Вернутся ли в лоно Матери-Церкви? И помилует ли Бог Россию?

*Алексей Новиков
г. Череповец, 2002*

СОПРИКОСНОВЕНИЕ

размышления о книге «За сиреневою дымкой...» (сто стихотворений о любви) серия «Тысячелистник» (выпуск 7) под редакцией А. Русанова

Чудо любви заключено в сердце. В тайне женской красоты. Потому-то сердечна и женственна Россия. Но сердце со-крыто, потаённо и за-стен-чиво (т.е. пульсирует за стеной).

*Как себя ни развенчивай,
ни кивай на года,
от девчонки застенчивой
не уйти никуда.*

Н. Бушенев

«Женщина» звучит у нас более чем странно. «Девчонка» же — необыкновенно. Поскольку видится в ней божественное софийное сияние «улыбчивой скромницы, кареглазой весны». Ощущается чистота, невинность и «свежесть нецелованных губ». Поэтические грёзы и русская мечта. Но действительность сурова. Призрачная мечта тает «за сиреневою дымкой», за горизонтом. Перед нами является лик «вечно бабьей России» (Н. Бердяев).

Николай Рубцов однажды встретил в компании с берёзкой девочку и ...

... вдруг спросил играючи: «Шалунья!

О чём поешь?» Малютка отвернулась

И говорит: «Я не пою, я плачу...»

Ясно, что и берёзка — символ русской красоты и одиночества, — подпевает страдальце. В «девочке» или «берёзке» есть некое чистое начало. Но плач указывает на присутствие скрытой тайны, которая и возбуждает сочувствие, и пробуждает понимание, даже ритмическое волнение в человеке. Поэт срывается: «Я плачу по родной Руси» (А. Пошехонов). И это уже мужской плач. От зеркала никуда не убежать. Любовь заритмована в душе художника, и он её мучительно ищет:

Ни лицо, ни имя неизвестны.

Не узнаю я тебя в толпе.

Но в груди моей тепло и тесно

От любви, склонившейся к тебе.

Стань же чудом в этой жизни зыбкой...

Восприму как страшную беду,

Если вдруг однажды по ошибке

Не к тебе случайно подойду.

В. Федотов

Лицо любимой скрыто в толпе. Возможно, оно сверкнёт подобно алой гвоздике среди множества белых. И пропадёт. «Так на снегу дымится кровь», — мрачно выразил своё чувство Владимир Златоустов. Толпа, туман, дремучий лес, множество белых гвоздик, снег... — всё это покрывало Майи. Поэт, одурманенный и ослеплённый высочайшим ощущением красоты и любви, тычется, словно котёнок, в покрывало. Пытается приоткрыть его. Найти потаённое, чтобы согреть или разбить своё сердце.

Глаза любимой — открытие поэта. Процесс проникновения в глубину души. Они часто «прячутся в тени ресниц» (А. Русанов). Следовательно, появляется искушение принять одеяло Майи за истину. Но покров снимается и обнаруживается пустота необъятного неба. Глубокий омут. И суть дела не меняется. Меняются только

метафоры, пытающиеся чуть-чуть смягчить судьбу странствующего в глубине любимых глаз поэта. «В глазах — голубень безмятежная», «глаза синие, лицо чистос» (Ю. Жигулин), «чудо-девушка с глазами васильковыми, невинными» (А. Русанов).

Но однажды, очутившись в бездне девичьих глаз, мастер духа обнаруживает:

*Я люблю тебя, люблю,
Но люблю тебя другую,
По тебе другой тоскую,
Всё тебе другой дарю!*

А. Пошехонов

Другую! Кого же? Что же такое необыкновенное обнаружено в глубине глаз любимой? Луна! Луна на фоне бездонной голубизны — «белолицая и серебристая». Вот он — образ «девушки милой, чистой» (Ю. Жигулин). И после этого уже трудно говорить о любимой, и тем более — о любовнице, поскольку «возлюбленная» выходит.

*Люблю я тихий шелест листопада
И ласковые чистые глаза
Моей возлюбленной...*

А. Русанов

Конечно же, «руками тёплыми сплестись» можно только и только «под луною серебристой». Это и есть чудо соприкосновения. Но соприкосновение на земле трагично. Теплота рук — соблазнительна.

*На руке твоей
Прекрасной
Я лежу,
Как нежный зверь.*

И. Воробьёв

Зверство о-нежилось. Это лекарство красоты сотворило невероятное. Но нечто тёмное — в глубине сердца. Сердце изначально больно, тем более — сердце поэта. Выговорить стон — успокоить душу. И без соприкосновения здесь не обойтись.

*Я все осилю и усвою,
Без унижения приму,
Но прикоснись хотя б рукою
К больному сердцу моему!*

А. Пошехонов

Прикосновение очень часто бывает обманчивым, как и эфемерно одеяние Майи. Грани его сверкают «то улыбкой, то ядом приворотных очей» (Н. Бушенев). Единство рушится. Появляется нескончаемая тема одиночества:

*А ты со мной
И вроде не со мною.
...
Мы оба вместе. Рядом.*

Ты и я.

И оба

Бесконечно одиноки.

И. Воробьев

Стоит берёзка-изваяние,

Но только жаль — стоит одна.

Ю. Жигулин

«Мы близки с тобой»,

Но отчего

мы столь же далеки,

Как устье и исток

большой реки?

В. Златоустов

...с каждым днём всё шире пропасть,

А ты — на дальнем берегу.

Из наших взглядов мост непрочен.

В. Федотов

И более откровенно:

Почему-то я не верю...

В то, что кто-то встанет рядом

и заполнит пустоту.

Одиночество порою

превращается в привычку,

А желание быть счастливой —

в недоступную мечту.

Ю. Лаврушина

«Я не пою — я плачу». Как же не плакать женщине на Руси! Коль одиночество, заштрихованное пустотой, «превращается в привычку». И это подлинный плач. Простая смертная душа не способна на подобный подвиг. Подвижничество обращается в истинную, необыкновенно красивую любовь, за которую нужно драться «чуть не с кулаками», доказывая,

Что цель в любви оправдывает средства,

Я буду ждать и ждать тебя — веками.

Я никогда не выберусь из детства.

Ю. Лаврушина

Ей никогда не выбраться из детства. Это и есть средство, которое оправдывает цель — любовь. Однако ж, детству нужно искать защиту. Подлинную защиту. И тянутся ручонки к соприкосновению:

Из всех оград прочней всего

Надёжных рук твоих ограда...

Ю. Лаврушина

Но, увы, ограда надёжных рук становится каменной стеной или границей одиночества. «Ты махнёшь мне рукой и догонишь жену».

«Я люблю тебя, люблю, но люблю тебя другую». Поиск бледнолицей Луны или ослепительной Афродиты. Прикосновение к мирам иным (старец Зосима). Всё это — процесс сотворения поэтической мечты, процесс соприкосновения с ТОЙ любовью, которая оправдывает любовь ЗДЕСЬ. В человеческой душе происходит таинство их встречи:

*Для меня не плеч покатость
И не белизна,
И не взгляд лукавый —
святость,
А душа одна.*

И. Воробьёв

Иная, не-соприкосновенная к мирам иным, любовь быстро тает. Она сродни чувству братьев наших меньших, да и выражается поэтически в грустных тонах. «То, что ты называешь — «похоть», я опять назову — «любовь»» (Л. Цветков). Тогда вполне понятно, что белолицая и серебристая луна сколько есть мочи будет рыдать «над прахом ночи». Да и русская берёза превратится в веник, чтобы хлестать «всю ночь по мокрой коже ветра» (Л. Цветков).

Однако, не всё божественное утеряно. Не пропала чистая и неземная любовь.

*Сквозь яблоки и листья старой яблони
Мы видим свет полумночной луны.
Мы влюблены.*

А. Русанов

Вновь и вновь будут восторженно и возвышенно повторять череповецкие поэты: «Я люблю тебя! Люблю!!!»

*Не потому ли и скорблю,
И на душе моей тревожно,
Что я люблю тебя.
Люблю!
Увы, сильнее, чем возможно.*

В. Златоустов

«Сильнее, чем возможно». Сказано прекрасно и чудно. Вымолвлен выход за пределы земной любви. Это возвышение. Сказано, если хочешь обрести любовь ТУТ, то выйди за границу от ТУТ к ТОМУ. Соприкоснись. Об этом возвестила череповецкая поэзия.

Валерий АНОХИН,
философ
г. Черповец

«В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ»

Первый поэтический сборник сокольской поэтессы Татьяны Лавтаковой — именно для вас. Эти стихи — своеобразное приглашение к откровенной, доверительной беседе. И хотя никто из нас не создан для одиночества, каждый человек время от времени испытывает потребность остаться наедине с собой, в сосредоточенной душевной тишине. И что в эти минуты может быть лучше, чем книга хороших стихов?

Татьяну Александровну Лавтакову сокольчане знают как талантливого журналиста. Но в последнее время мы все чаще видим ее в несколько ином амплуа — Татьяна Александровна пишет замечательные стихи. Уже не раз на страницах газет мы знакомились с ее творчеством. Областной литературно-художественный журнал «Автограф» постоянно представляет на суд своих строгих читателей стихи сокольской поэтессы. И сегодня в свет вышел первый сборник стихов Т. Лавтаковой, название которого — «В свободном полете» — как нельзя лучше характеризует ее творчество.

В творческом арсенале Татьяны Александровны более 300 стихов. В сборник вошли лишь некоторые из них. Это и произведения прошлых лет, и стихи совсем новые. Но каждая строфа — откровение автора, идущее от самого сердца, в каждом стихотворении свой неповторимый образ.

Поэзия Т. Лавтаковой, в сущности, — рассказ об обычных пещах, которые окружают каждого человека, о любви, подчас полной сомнений и разочарований, но вместе с тем светлой, чистой и возвышенной. Изначально стихи были написаны не для широкого круга читателей, это откровение автора, его чувства, мысли, настроение, нашедшие отражение на бумаге. Именно поэтому стихи будут особенно близки и понятны женскому сердцу.

Книга увидела свет. И особенно приятно то, что вся она, от корочки до корочки, создана в нашем родном городе. Конечно, в Соколе книги различных авторов уже выходили, и не раз, но данный сборник отличается именно своим благородством, культурой оформления, грамотностью в подборе стихов. Большая заслуга в этом редактора поэтического сборника С. Сиземского и технического редактора А. Риганова.

И, конечно же, нельзя не отметить замечательные иллюстрации молодой художницы Анны Мисиной. Созданные под впечатлением от стихотворных строк рисунки удивительно ярко подчеркивают смысл, заложенный поэтессой в произведениях.

Ольга ХЛЫМОВА

МНЕНИЯ:

«Один из интересных вологодских поэтов сегодня — Юрий Максин. Он живет в маленьком городке Устюжне, но взгляд его гораздо шире на окружающее. Его стихи очень лиричны, но в то же время глубоки...» Н. Маркелов

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Кочина З. В. Вологда при Петре I. Хроника и российские законы: справочные материалы. — Вологда, 2002. О местной истории — общегосударственные законы как бы прокомментированы событиями Вологодской жизни тех лет.

Вячеслав Белков «Вчера и сегодня» (заметки о Рубцове). Вологда, 2002. 2-е издание. Миниатюрная книжка, в которой есть, в частности, ответ Новикову, оскорбившему Николая Рубцова.

Глеб Горбовский «Окаянная головушка», избранные стихотворения, Петербург, 1999. Очень сильная книга известного поэта.

А. Сидоренко «Наши дети», рассказы, Вологда-Череповец, 2002. Автор родился в 1957 году, живет в Череповце, работает учителем литературы в школе. Постоянно печатается в «Автографе».

А. Кошелев, М. Кошелева «Фотосюита на стихи Николая Рубцова». Издано в Москве, дата и тираж не указаны. Альбом с замечательными фотографиями авторов и стихами Рубцова. Андрей и Марина Кошелевы горячо любят наш Север и поэзию.

Татьяна Ржанникова «Часть речи», стихи, Череповец, 2002. Видимо, первая книжка талантливой поэтессы.

«Вдоль по Толшме-реке», поэтический сборник, Тотма, 2002. Предисловие В. Дурова. В книжку вошли стихи Св. Игошевой, С. Щукина, Е. Мартюковой и других.

Сергей Орлов «Мое поколение», к 80-летию поэта, Вологда-Белозерск, 2001. Стихи Орлова, фотографии, автографы. В издании приняли участие Т. Богомоллова, вдова поэта В. Орлова. Некоторые материалы публикуются впервые.

Юрий Люкшин. Экслибрисы. Мини-альбом, Вологда, 2002. В подготовке издания приняли участие В. В. Воропанов и М. А. Люкшина. Издание Вологодской картинной галереи. Тираж 200 экз.

ЮРИЙ ЛЮКШИН

ЭКСЛИБРИСЫ

Короткая проза

Дмитрий ЕРМАКОВ

СИНЯК

Рассказ

1.

Матвеев встал рано утром, наносил воды из колодца, затопил печь, подмёл и вымыл пол в избе. Сегодня, 31 декабря, он ждал приезда из города жены и сына.

На десятичасовом автобусе они не приехали.

Матвеев напился чаю из самовара. Пошёл на лыжах в ближайший от деревни ельник, там на опушке он давно присмотрел стройную ёлочку. Но решил не рубить её, а привести прямо сюда жену и сына, вместе с ними нарядить.

В лесу было тихо-тихо, лишь изредка наносило гул машин с дороги.

Вышел на поляну. Его ёлочка вымахнула на самом краю леса. Матвеев толкнул палкой ствол, и снег, тяжко ухнув, осыпался с ветвей.

Он утоптал вокруг ёлочки площадку, ещё раз полюбовался на неё со стороны, наломал веток с соседних елей и двинул обратно своим следом, глубоко дыша чистым морозным воздухом.

Он всё приготовил к празднику: свечки, которые они зажгут ночью у ёлки, украшения для неё, конфеты для сына, а им с женой — две бутылки сухого вина. Обдумал те слова, которые скажет жене в подходящую минуту. И она, может быть, наконец-то простит его...

По дороге, укатанной машинами, Матвеев шёл к дому. Издали увидел у калитки Вовку Кузнецова.

— Здорово, Михалыч! — крикнул Вовка. — С наступающим!

— Здорово. И тебя так же.

— Капканы проверял? — вежливо поинтересовался Вовка. Из кармана его фуфайки призывно выглядывало горлышко бутылки.

— Нет... Вовка, не буду я пить, жену и сына жду.

— А-а! — Вовка махнул рукой.

— Ну, давай! — И побежал к соседней избе. Обернулся: — А то, может, Михалыч... — щёлкнул пальцем по горлу.

— Нет.

На двухчасовом автобусе они тоже не приехали.

Еловыми веточками Матвеев украсил комнату. Укрепил над окнами, поставил в банку с водой на столе. Ветви оттаяли, и изба наполнилась густым хвойным духом.

Матвеев сидел у окна, смотрел на дорогу. Ждал пятичасовой автобус, на котором они уже точно приедут.

Думал о том, как обрадуется сын Лёшка походу в лес. «И хотьбы-то пятнадцать минут, а для него праздник!» У самого Матвеева в детстве мало было праздников. И вот — сын. Только бы радоваться. Но Матвеев уже второй год живёт один в деревне, лишь иногда ездит в город к жене и сыну, да они редко-редко к нему. Лёшке девять лет, и без отца ему плохо. Матвеев всё это понимает. Но что он может сделать? Сам, конечно, виноват. Пьянство его. А у жены «терпение лопнуло». «Но, может, сегодня всё изменится...»

Из окна далеко видна была дорога. Матвеев жадно вглядывался в каждую точку на горизонте. Ехали машины. Наконец разглядел автобус. Он остановился напротив деревни, метрах в ста. Вышел один человек. Это была бабка Кузьминиха, ездила зачем-то в город.

Больше сегодня автобусов не будет...

Матвеев ещё три часа сидел у окна, хотя уже ничего не было видно, лишь проплывали иногда огни фар. «Может, на попутке приедут», — тешил он себя мыслью, понимая, что они не приедут сегодня, не приедут...

В десять часов он открыл первую бутылку вина. Потом вторую. Потом достал из подполья бутылку водки...

Ровно в двенадцать ночи он вышел из дома и пошёл напрямик по снегу к дороге, в сторону города.

2.

Первого января днём из автобуса вышли двое: женщина и ребёнок — мальчик лет десяти. Они свернули с дороги и пошли по тропинке к деревне, крайнему её дому.

Вера Матвеева сразу узнала бордовый шарф, колыхавшийся на ветке куста метрах в трёх от тропы, чуть дальше валялась на снегу рукавица. Следы вели к дороге.

...Она собиралась приехать к нему на праздник. Но тридцатого вечером позвонила одинокая подруга, поинтересовалась, как Вера собирается встречать Новый год, намекнула, что, мол, не против бы прийти к ней в гости. Не смогла Вера отказать ей.

Что ж, в конце-концов и не обещала, что приедет. И вот...

«Серёжа, Серёжа! Что же ты наделал! Господи...» Она старалась не напугать сына. Даже не стала подбирать шарф и рукавицу.

Ключ был на месте, за наличником. Вошли в избу. Увидела бутылки на столе...

— Папа, наверно, в лес ушёл.

— Да, наверно. — Тяжело опустилась на табуретку, обвела взглядом комнату: еловые ветви, чисто... Ждал.

— Мама, а почему папа ёлку не принёс?

— Не знаю. Раздевайся. Валенки на печку поставь.

«Что же делать?..» И вдруг злость закипела: «Ну, я ему покажу, когда явится! Ведь сказала, что, может, и не приедем. Нет — попёрся. Ведь в город попёрся! Да

уж и напиться надо обязательно!..» — Убрала бутылки. И вдруг — как споткнулась: «Да он же замёрз, один, ночью, на дороге, пьяный. Замёрз».

— Мама, а мы чай будем пить из самовара.

— Будем.

Дрова у шестка аккуратно сложены. Загопила тёплую ещё печь. А сердце болит...

Послышались шаги в сенях. Дверь отворилась, и в комнату ввалился Матвеев. В распахнутом полушубке, без шапки, без рукавиц. Правый глаз заплаыл огромным синяком.

— Папа, а ты где был? Папа, кто тебя так? — Голос Алёши задрожал, он заплакал.

И тут потекли слезы у самого Сергея Матвеева, заревела в голос его жена Вера. И они забыли все слова, которые хотели сказать друг другу.

г. Вологда

Александр КОЗЛОВСКИЙ

ЗИМНИЕ ОДУВАНЧИКИ

Слышали ли вы когда-нибудь о зимних одуванчиках? Вот и мне, признаюсь, никогда прежде слышать не доводилось. А тут на днях подбегает ко мне племянник мой, Лёшка, и говорит:

— Дядя Саша, хочешь на зимние одуванчики посмотреть?

— Какие ещё одуванчики, — я-то и не понял вначале, — гербарий, что ли?

— Нет, — отвечает, — настоящие, зимние. Вчера в саду расцвели.

«Ну, — думаю, — опять какую-то проказу учинить собирается. Мать, поди, запретила одному из дому выходить, так он и удумал».

— Отстань, — говорю сердито, — не до тебя мне. Да и не бывает никаких зимних одуванчиков, нечего всякую ерунду городить.

Обиженно губы надул он:

— Бывают.

— Нет, не бывает.

— Нет, бывает, — упрямится Лёшка, — пойдем в сад, покажу.

Вот ведь упрямый какой!

— Ладно, — говорю, — пойдем. Но учти, если ты меня зря от дел отрываешь, никуда тебя больше с собой не возьму!

— Хорошо, — соглашается. Вышли мы в сад. А он ведёт меня в дальний угол, где лишь одни только лопухи и росли.

— Сейчас, — говорит с хитрецей, — увидишь.

«Чего, — думаю, — там смотреть, — листьев и тех уже нет на лопухах давно, одни репы остались».

Привёл он меня и говорит:

—Вот посмотри.

Глянул я и глазам своим не поверил: весь репейник будто белыми цветами расцвёл. Дни дождливые долго стояли, а потом вдруг подморозило. Застыли репы, покрылись ледяной корочкой, припорошило их снежком, и вместо неказистых серых колючек словно белые пушинки сделались.

Смеется Лёшка. И я смеюсь. Ловко он меня вокруг пальца обвёл. И впрямь ведь на одуванчики очень похоже. Вот только дуй на них или не дуй, всё одно не разлетятся — одуванчики-то зимние!

г. Сургут

ВАСИЛИЙ ЕЛЕСИН

«ЧЕРНАЯ» ВСЕЛЕННАЯ

Очерк

Я утверждаю: нет ничего вечного и бесконечного во Вселенной, кроме самой Вселенной. Под Вселенной я понимаю не тот объем пространства, который доступен нашему зрению, нашим визуальным и радиотелескопам. Этот объем и его изучение ограничено нынешними возможностями человечества. На сам же деле Вселенная многократно объемнее, шире и разнообразнее, чем представляется нам сегодня. Для того, чтобы лучше сориентироваться в новой, многообъемной Вселенной, следует рассмотреть с новой точки зрения категории пространства и времени.

Время

Считается доказанным, что Солнечная система существует пять или немногим более миллиардов лет. По мнению некоторых астрофизиков наша Галактика, а возможно и весь остальной исследованный человеком объем Вселенной имеет возраст от 23 до 50 миллиардов лет. Много это или мало? По сравнению с Вечностью — ничтожно мало. Если верно утверждение физиков, что видимая нам Вселенная родилась в результате «первого толчка», сверхколоссального вселенского взрыва, а может быть некоего «акта творения», который произошел несколько десятков миллиардов лет назад, то возникает вопрос: что же было в видимом нам объеме Вселенной до «толчка»?

Утверждение, что вместо видимых ныне звезд существовал некий «дух в вакууме» не выдерживает критики, я не буду рассматривать его.

Интересно другое: ведь до «толчка», до «вселенского взрыва» проходила еще бездна времени. Если заглянуть за 50 миллиардов лет, которые, якобы, прошли после «первого толчка», то можно вообразить множество состояний материи, отлич-

ных от нынешнего ее состояния. Одно из таких состояний «черная Вселенная», — так я называю ее для наглядности.

Рассмотрим развитие светил в нашей фазе времени, в фазе после «первого толчка». О жизни, развитии и угасании звезд различной светимости написана масса научной и научно-популярной литературы. Взять хотя бы труды Воронцова-Вельяминова («Очерки о Вселенной»), И. Шкловского («Вселенная, жизнь, разум»), Т. Агеяна («Звезды, галактики, метagalaktika») и множество других. Суммируя их выводы, убеждаешься, что «вечных» звезд не было и быть не может. Все они проходят свои циклы от рождения до максимума светимости и угасания. Конечно, рождение, развитие и угасание звезд происходит не синхронно, не одновременно. Доказательством тому может случить разница во времени возникновения нашей Галактики (20–53 миллиардов лет) и Солнечной системы (пять миллиардов лет). Но с точки зрения вечности промежутки даже в десятки миллиардов земных лет ничтожно малы. Следовательно, если верить теории «первого толчка», видимая нам Вселенная рождалась почти одновременно и угаснет также почти одновременно, хотя это «почти» и может растягиваться на десяток-другой миллиардов земных лет.

Для сравнения посмотрим на наступление зимы в земных условиях. Когда север Сибири покрыт снегом, в средней России еще не опала листва, а где-нибудь в Грузии еще убирают фрукты. Однако ни у кого нет сомнения, что зима со временем придет и в эти края, приведя всю природу Северного полушария к единому состоянию.

Продолжая аналогию, можно утверждать, что видимый и поддающийся исследованию объем Вселенной сейчас переживает свое «лето». Но рано или поздно произойдет угасание всех видимых сегодня звезд. Они превратятся либо в «черные карлики», либо в самые настоящие «черные дыры». И все эти колоссальные массы черной, не светящейся материи будут обладать чудовищной гравитацией, что несомненно скажется на их взаимодействии.

Образуется ли в результате этих взаимодействий единое колоссальное тело с невообразимой потенциальной мощностью грядущего взрыва, будет ли это островами космических материальных масс или нечто совершенно иное — это, в конце концов, разгадают ученые. Для меня очевидно одно: грядущая «черная Вселенная» будет содержать в себе зародыш новой «светлой Вселенной».

Как будет выглядеть объем Вселенной, видимый нами сегодня в виде бесчисленных звезд, галактик, туманностей в период угасших звезд, во время «вселенской зимы»? Я полагаю, что в этом пространстве можно будет лететь со скоростью света несколько миллионов лет и не встретить ни одного луча, не увидеть ни одного светлого пятнышка на небосводе. Однако, пролетев со световой скоростью сотню миллиардов земных лет (я, конечно, имею в виду не физическое, а геометрическое пространство и движение строго в одном направлении), не исключено, что мы вырвемся в новый «светлый мир», который переживает свое «лето» после своего «первого толчка».

Временные периоды, которыми я оперирую, могут показаться ни с чем не соразмерными. Но вспомним, что не только Земля и планеты движутся вокруг Солнца, сама Солнечная система движется вокруг нашей Галактики. Один такой оборот, по подсчетам ученых, длится 76 миллионов лет. Со времени возникновения человека Солнечная система смогла пройти едва ли сотую часть своей галактической орбиты, а общий возраст нашей системы насчитывает сегодня менее сотни «галактических лет».

Пространство

Учёные делят пространство на физическое и геометрическое, т.е. теоретическое. Физическое пространство задало массу загадок, ведь оно определяется силой гравитации расположенных в нем материальных тел. Отсюда и «замкнутое» пространство, и «свёрнутое», и Бог его знает, какое еще. Геометрическое пространство растягивается как угодно далеко в одном направлении, то есть бесконечно. Так же бесконечно может располагаться в пространстве и материя в самых различных фазах своего развития.

Что же происходит с пространством в «черной Вселенной», в период «Вселенской зимы»? Уже говорилось, что погасшие звёзды образуют тяжелые массы, с чудовишной гравитацией. Это, очевидно, способствует концентрации материи в более малом объеме, чем занимает расширившаяся «светлая Вселенная». То есть, как и предсказывает некоторые ученые, произойдёт сжатие объема Вселенной, перевод материи в субстанцию почти ядерной плотности. Известно, что вещество, состоящее из вплотную прижатых друг к другу атомных ядер обладает колоссальным весом и плотностью. Какие процессы идут в сжимающейся сверхплотной метagalактике, пока никто не знает. Для меня несомненно, что приведут эти процессы (может быть, ещё через сотню миллиардов земных лет) к новому космическому взрыву, в результате которого вновь появятся галактики, туманности, звёзды, планеты. А дальше, за пределами Метagalактики в это время начнется угасание своих звезд, начнет рождаться своя «черная Вселенная»...

Итак, был ли «первый толчок», в результате которого родились видимые нам сегодня галактики, туманности, звёзды? Несомненно, был, но не первый и не единственный. Такие «толчки» происходят, может быть, и в эти минуты в недоступных для человека пространствах. Идёт кругооборот материи в вечных и бесконечных дальях Вселенной, куда проникнуть сегодня может только человеческая мысль и интуиция.

Человечество, естественно, не доживёт до «черной Вселенной» в окрестностях нашей Галактики — слишком велики временные промежутки между «Вселенской зимой» и «летом». Но понимание процессов, происходящих в Космосе, убежден, доступно уже нынешнему поколению землян.

г. Вологда

ПИСЬМО УЧЕНОГО ИЗ КАЗАНИ

Здравствуйте, уважаемый Вячеслав Сергеевич!

Подготовил Вам отчет о работе Александра Сергеевича над «Словом о полку Игореве».

С конца 80-х годов я помогал Александру Сергеевичу работать над проблемой авторства «Слова...». Этой проблемой занимались и занимаются, как известно, многие ученые, писатели и любители древнерусской словесности. Что же предлагал Александр Сергеевич? Перечислю по пунктам.

1. «Слово...» имеет притчевый характер. Известно, что аллегорический метод истолкования божественных писаний родился на греческой почве. А.С.Швецов попытался притчевый метод древнерусской литературы связать с именем Климентия Смолятича. Какая же притча в «Слове о полку...»? На этот вопрос Швецов отвечал так: «Главная притча – превосходство мытаря над фарисеем и возвращение блудного сына».

2. Принцип имперсональности, который понимается как атеизм и светскость. Д.С.Лихачев признавал за «Словом...» его светский характер. Имперсональность как форма взаимоотношения индивидуума с Богом допускала кодирование или умолчание своего имени. В связи со сказанным Швецов предложил искать имя Автора «Слова...» в самом тексте, т.к. Автор мог «зашифровать» свое имя.

3. Проблема славы и власти. Швецов доказывал, что отказ от славы и власти сближает К.Смолятича и Автора «Слова...» Кроме того, отказ от славы и власти – это прямая дорога к имперсональности.

4. Предложена «храмовая» идея, суть которой сводится к тому, что древнерусская культура прошла путь от языческой формулы «*mir*» = «миру» до христианской формулы 4 (мировой порядок) + 1 (Христос) или + 3 (Святая троица). Вообще формула 4+1 или 4+3 означает освященный мировой порядок, т.е. теосферу. Теосфера универсальна. Таким образом, храмовая идея, включенная в теосферу, рассмотрена Швецовым как фактор, сближающий К.Смолятича и Автора «Слова...»

5. По мнению А.С.Швецова, Климент Смолятич, первый русский митрополит, мог быть Автором «Слова...» Весь жизненный путь Смолятича Швецов разбил на 4 периода: Зарубский – монашеский, Смоленский, Киевский – епископский и Владимирский – митрополичий. Именно во Владимирский период Смолятич и мог написать «Слово о полку Игореве». Это был период подведения жизненных итогов, период литературной зрелости, а «Слово...», как отмечают многие исследователи, было написано зрелым литератором.

6. Интересна идея соотношения вечного и временного. Швецов считал, что временное – течение времени – тесно связано с «миром», который стыкуется с человечеством как храм; вечное же тесно связано с Премудростью, т.е. «миром». Стремление к гармонии «мира» и «мира» находит свое выражение и в литературном жанре – притче.

7. Затрагивал А.С.Швецов и вопрос о двумени (каноническом и неканоническом) в древнерусский период. Швецов считал, что личное имя

восходит к роду, отчеству и вообще к храмовой идее. Известно, что в Древней Руси была определенная общественная группа (артель) переходных странников-проповедников. Возможно, что Автор «Слова...» был представителем артели «калик переходных», русский «богатырь во смирении». Если это так, то требовалось доказать, что Смолятич был представителем артели «калик переходных», русский «богатырь во смирении». Этот факт нам не удалось доказать.

Работая над проблемой авторства «Слова...», я натолкнулся на «Полный православный богословский энциклопедический словарь» в 2-х томах, который был переиздан в 1992 г. На странице 1362 есть статья о К.Смолятиче. Привожу ее дословно: «Климент или Клим Смолятич – митрополит киевский и вся Руси, преемник Михаила, в 1147 г. занял митрополичью кафедру без содействия константинопольского патриарха, пробыв на ней до 1155 г. с некоторыми перерывами. Именно он был поставлен на митрополию внуком Владимира Мономаха великим князем Изяславом Мстиславичем, и, когда завязалась борьба последнего с Юрием Долгоруким за великокняжеский престол и счастье благоприятствовало Юрию, он вместе с Изяславом всякий раз должен был покидать Киев, а с победой Изяслава снова возвращаться; так продолжалось до 1155 г., когда со смертью Изяслава и воцарением Юрия Долгорукого, он навсегда покинул кафедру. Скончался К.Смолятич в 1164 году». Как известно, события, описанные в «Слове...», относятся к 1185 г. Если принять факт смерти Смолятича 1164 годом, то он не мог быть Автором «Слова о полку Игореве...».

Александр Сергеевич настаивал на продолжении работы, но исторический факт смерти Смолятича заставлял развести тему авторства на две: К.Смолятич как митрополит и литератор и Загадка Автора «Слова...».

В заключение хочу сказать, что А.С.Швецов внес свой вклад в научные изыскания по «Слову о полку Игореве...». Его писательский талант еще не оценен по-настоящему. Надеюсь, что земляки и коллеги по писательскому цеху не забудут поэта, ученого А.С.Швецова.

С уважением – Маркелов В.С.

30.07.02 г.

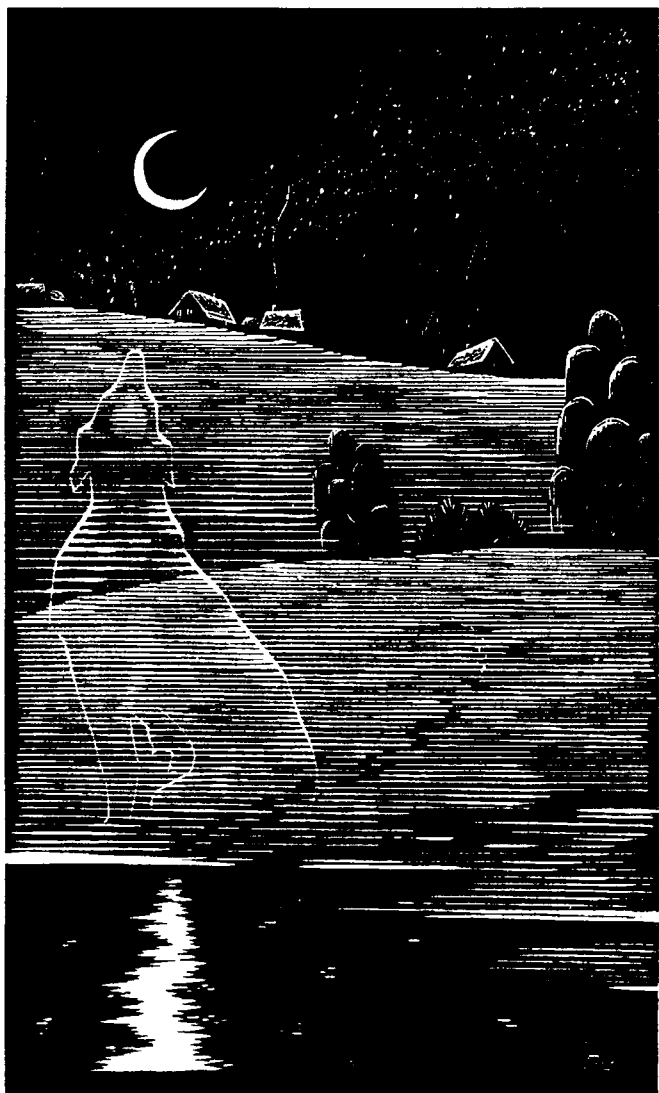
Василий ЛЕОНЕНКО

Интересный художник Василий Федорович Леоненко живет и работает в городе Чернигове (Украина). Сегодня мы для первого знакомства показываем две его гравюры из серии «Сергей Есенин» — «Сорокоуст» и «Песнь о собаке». Надеемся на новые встречи в журнале «Автограф».

В. Белков

Сорокоуст

Песнь о собаке

ТУЛЬСКИЙ ГРАФИК В. Н. ЧЕКАРЬКОВ

Автопортрет

Владимир Николаевич Чекарьков родился 5.01.1937 года в г. Туле. После окончания средней школы учился на токаря в ПТУ. Окончил училище с 5 разрядом. Работал токарем на оружейном заводе. Служил срочную службу в погранвойсках. Окончил высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское) в Москве. Было назначение в Кострому, но проработал там недолго, и был направлен в родной с детства город Тулу. Работал сначала ювелиром, а затем художником в оформительской мастерской. После художником в редакции тульской газеты «Коммунар».

С 60-х годов увлечен составлением шахматных задач, в основном изобразительных, посвященных космосу. Послал письмо первому космонавту планеты Юрию Гагарину с просьбой собрать автографы первых космонавтов. И он это сделал! Хотел ему оформить книгу и подарить в знак благодарности, но не успел...

А всего таких книг художник нарисовал 16. Называются они «Эра Космоса языком шахмат».

Каждая книга Владимира Чекарькова уникальна: и текст 90 страниц, и художественно оформленные диаграммы (186 композиций), и россыпи иллюстраций — всё сделано тушью, акварелями, красками. И переплёт сафьяновый с золотым тиснением. Да, не перевелись на Руси наследники легендарного тульского Левши!

Собрал коллекцию шахматной карикатуры — более 10 000 рисунков. И столько же художественных открыток.

В. Н. Чекарьков выполнил более 350 экслибрисов. Большая часть которых предназначена для искусствоведа, знатока и пропагандиста Отечественного книжного знака Э. Д. Гетманского. Графикой «Малых форм» — книжными знаками художник увлечён многие годы. На его экслибрисах тема «История России», портреты государственных деятелей, русских и зарубежных писателей и поэтов, людей искусства. Более сорока миниатюр посвящены любимому поэту Сергею Есенину.

В настоящее время художник из Тулы выполнил рисунки для второго издания альбома «Есениана в книжных знаках», обложку будущего издания.

Вячеслав Меркулов

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

21

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин, М. А. Полётова,
М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова,
О. Н. Кузнецова Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции
Перепечатка статей, стихов или их фрагментов только с разрешения редакции
Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей, Вячеславу Белкову

Сдано в набор 26.09.2002. Подп. в печать 22.10.2002
Заказ №485

Вологда
2002

